

УДК 130.2

А.М. Заякин

О НОВОМ СУБЪЕКТЕ В КОНТУРАХ НОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматривается вопрос о возможности концептуального обоснования нового субъекта, противопоставленного субъекту классическому. Предлагается интерпретация субъекта как концептуальной маски самости. Анализируется природа концептуальной маски, ее функции и перспективы функционирования в условиях современной культуры. Рассматривается характер корреляции концептуальной маски и самости.

Ключевые слова: классический субъект, новый субъект, трансформация, самообраз, концептуальная маска, самость, расширение, прозрачность, соприсутствие.

В данной статье мы хотим поставить вопрос о новом субъекте, его природе, контурах, специфике функционирования в современной культуре. Начальный шаг на этом пути кажется очевидным: противопоставить, отличить новый субъект от субъекта классического. Проанализировать ту трансформацию, что происходит с классическим субъектом на пути его обновления, осовременивания, определить условия, параметры, факторы этой трансформации, тем самым внести определенную лепту в обновление исследовательских стратегий субъекта, сделать ее соответствующей, соразмерной современной культуре.

Итак, очевидно, что постановка вопроса о новом субъекте является следствием кризиса, в котором оказывается субъект классический. Концептуальное оформление классического субъекта традиционно принято связывать с родоначальником новоевропейского рационализма Р. Декартом [1], свой пик, вероятно, как и вся классическая метафизика, данный концепт достигает в немецком идеализме, прежде всего в трансцендентальной философии И. Канта [2]. Кризис классического субъекта, впервые отчетливо проявившийся на рубеже XIX–XX веков, на всем протяжении XX века лишь усиливался и приобретал более резкие очертания, отягощаясь все большим числом противоречий. Условная «кривая» кризиса может быть прочерчена следующим образом: Ф. Ницше – Э. Гуссерль – М. Хайдеггер – философская антропология – философия «Другого» (Ж. Батай, Э. Левинас) – структурализм – постструктурализм. Символичным итогом, подводящим черту под классическим субъектом (и субъектом в целом), можно считать провозгла-

© Заякин А.М., 2013

Заякин Александр Михайлович – ст. преподаватель кафедры философии и общественных наук ФГБОУ ВПО «Пермская государственная академия искусств и культуры»; e-mail: alza-akin@yandex.ru.

шение концепта, констатировавшего его «смерть» [3. С. 773–776]. Вслед за которым, уже на исходе века, последовал закономерный вопрос: «Кто придет после субъекта?» (в одноименном популярном сборнике под редакцией Ж.-Л. Нанси) [4].

Вместе с тем параллельно нарастанию кризиса классического субъекта усиливались поиски нового типа человека, происходившие под различными вывесками: потребность в «новом гуманизме», «новом *homo*» (подтверждением чему стали многообразные игры с «*homo*», выразившиеся в поиске того, кто придет на смену *homo cogito*, вершине рационалистской интерпретации человека: от *homo ludens* до *homo sacer*); потребность в «новом образе» человека (самообразе; *self-presence*).

Поиски нового, т.е. актуального, современного, соответствующего (стремящегося соответствовать) тем необратимым изменениям культуры, что происходили с ней на протяжении всего XX века, поиски нового человека – человека 2.0, и в большей степени – его нового образа, безусловно, приобрели фронтальный, стратегический, многоаспектный характер, обозначив серьезность, насущность, неотложность зияющей проблемы.

Необходимо сразу отметить, что в рамках данного исследования мы стремимся исходить из достаточно оптимистичной стратегии в отношении перспектив субъекта, умеренной, не приемлющей его абсолютной деструкции, завершения, смерти. Напротив, не отрицая константной природы субъекта, мы постараемся сделать акцент скорее на факторах его преобразования, трансформации, анализе происходящих с ним изменений, как под воздействием современной ему культуры, давления необратимо свершаемых изменений, так и внутренних, имплицитных.

Полисемантичность кризиса, широкий спектр черт, свойств классического субъекта, подвергшихся критическому удару, выявили не только вариативность стратегий деконструкции субъекта, но и существенную вариативность подходов (стратегий) к обоснованию самого классического субъекта, указали на безусловно рамочный характер данного концепта, на весьма широкие границы исследовательского поля, посвященного ему. Поэтому в целях более эффективного анализа (и в связи с невозможностью осуществления фронтального анализа) оптимально выбрать определенную стратегию исследования (отсечь или перевести в фоновый режим другие), и уже в рамках данной проекции (горизонта) анализировать обозначенную трансформацию субъекта.

Очевидно, что, каковы бы ни были интеллектуальные искания, связанные с поисками нового человека, поисками новой субъективности, ближайшим (прагматичным) образом они выводят нас к проблематизации вопроса о новом образе, «самообразе» человека [5].

Это позволяет нам осуществить переход от широкого спектра стратегий, полагающих субъекта, в их общем надломе (кризисе) – к рассмотрению конкретной интерпретации (проекции, горизонта). Именно сквозь данную (ограниченную рамками) проекцию мы и планируем рассмотреть трансформацию субъекта, происходящие изменения его природы (отталкиваясь от ключевых полюсов этой трансформации: классический субъект – новый субъект).

Эта интерпретация может быть обозначена следующим образом: субъект как концептуальная маска. Оговоримся, что далее термин «субъект» мы будем использовать именно в данном значении, тождественном значению «концептуальная маска» (ограничим его рамками данного горизонта). Соответственно, дальнейшая наша задача – обозначить специфику данной интерпретации, продемонстрировать значимость, перспективность (плюсы) ее рассмотрения.

Итак, обратимся к описанию природы и функций концептуальной маски. Некоторым образом легитимизируя, обосновывая право использовать данный термин (применительно к данной тематике), сошлемся на А.Ф. Лосева [6. С. 482–492] и в целом на культурную (символическую) историю маски. А также укажем на близость, сродность его терминологическому ряду, обозначенному выше: концепт, образ, самообраз, метафора, спроецированному на человека в модусе самопрезентации, самоманифестации.

Таким образом, под концептуальной маской мы понимаем маску-образ, образ-оболочку, самообраз, т.е. образ, примеряемый на себя, соотносимый с собой, для повседневного использования, для взаимодействия с повседневностью. Подобно тому как физическая маска (ровно настолько, насколько в ней есть «физического») надевается на лицо, известным образом сливаясь с ним, концептуальная маска надевается, нанизывается на самость, также в определенной степени с ней сливаясь. «Надевается», формируется, конструируется, становясь своеобразным медиумом взаимодействия самости (Я) с повседневностью, задавая тем самым алгоритм (вектор) повседневного присутствия.

Маска очевидно выступает, таким образом, функциональной оболочкой, так что самость определенным образом перепоручает себя ей, растворяется в ней. Концептуальная маска выполняет ряд неперемennых основополагающих для нее функций, в связи с чем определяющим для природы (сути) маски, ее концептуального прояснения является рассмотрение комплекса тех функций, что она выполняет и несет. Однако и анализ изменений этих функций (условий их осуществления) является предметом нашего рассмотрения.

Несмотря на то что значения функций сильно переплетены и демонстрируют, по сути, различные оттенки одной общей гиперфункции, постараемся определенным образом (пусть где-то даже технически) «расплести» их и структурировать:

- во-первых, это создание концептуального контура, самообраза;
- во-вторых, это создание защитного слоя, «коккона» вокруг самости для преодоления уязвимости последней;
- в-третьих, конструирование (полагание) определенного рода габитусов или медиумальной среды – оболочки, позволяющей взаимодействовать с повседневностью, «скользить» по ней без лишнего сопротивления. Следовательно, в данном случае речь идет и о прагматической функции. Здесь же следует отметить, таким образом, что изначально (в самой природе маски) заложена ее векторность, направленность на встраивание в жизненный мир (*lebenswelt*), слитность с ним;
- в-четвертых, это терапевтическая функция, автотерапевтическая, вытекающая из трех предыдущих, осуществляющаяся через них и посредством них.

При этом следует подчеркнуть, что подобный анализ субъекта (в аспекте концептуальной маски) лишен негативной интерпретации и не является опосредующим звеном, ступенью для последующего прорыва к эссенции самости, следовательно, маска не есть то, от чего следовало бы отказаться, сбросить ее, преодолеть, и в силу этого прорваться к подлинной самости, некому чистому досубъектному Я. Напротив, ключевым объектом анализа для нас выступает именно концептуальная маска, как то, о чем только и возможно, а стало быть, и необходимо вести речь.

Вместе с тем очевидно, что окончательное прояснение природы маски невозможно без анализа структурной дихотомии: концептуальная маска – самость, а следовательно, и прояснения природы самости, в той степени, в какой это возможно. Самость – калька немецкого *selbst* и английского *self*. Термин активно используемый Хайдеггером: бытие Я, «такое сущее, которое может произнести: “Я”» [7. С. 595], само-бытие, самотождественность, подлинное личное Я, подлинность и самоданность которого постоянно ускользают, манифестируя уязвимость последнего.

Итак, если в нашей проекции рассмотрения самость и не тождественна абсолютному безмолвному ничто, то существенный апофатический момент в ее полагании очевиден. Следовательно, самость трактуется нами скорее негативно (фоновое) – как то, что оттеняет маску, то «основание», на которое она нанизывается, к которому она прилагается (прилаживается) в высшей степени пластично. Ее структурная функция скорее техническая – оттенить наличие маски. Единственное проговариваемое в ее отношении свойство – это уязвимость, оголенность, беззащитность – то, что и инициирует прагматичную потребность в маске. Повторимся: именно поэтому нас интересует не то, как преодолеть маску, но, напротив, то, как рассмотреть ее во всем спектре взаимоотношения с самостью.

Таким образом, рассмотрение данной корреляции позволяет нам наметить ряд проблемных, перспективных с точки зрения их последующей разра-

ботки (насушных) вопросов, на разрешение которых мы и планируем направить наши дальнейшие исследовательские усилия с целью произвести более содержательный (конкретный) анализ структур нового субъекта. К числу таких вопросов могут быть отнесены следующие: влечет ли трансформация маски изменение самости (и если да, то каким образом и насколько); раскрывает ли новая природа субъекта (маски) самость иначе (открывая новые ходы доступа, позволяя, в целом, схватить ее менее негативно); меняется ли характер их корреляции и не является ли трансформация маски условием преодоления структурной дихотомии, двойственности субъекта (маски) и самости; возможно ли предположить, что одним из радикальных следствий трансформации концептуальной маски выступит ее принципиальная неразличимость, недифференцируемость с самостью? Ответы на эти вопросы и призван дать последующий содержательный анализ структур нового субъекта.

Ключевой, на наш взгляд, характеристикой, маркирующей как процесс трансформации (или же формирования) нового субъекта, так и его природу, является расширение. Соответствующие идеи (относительно расширяющейся природы субъекта) мы находим, например, в работах М. Маклюэна [8] и У.Д. Митчелла [9]. Расширение это понятие, безусловно, весьма многогранно.

Тем самым мы выходим на экспликацию нового субъекта как субъекта, формирующегося в процессе расширения, обретающего себя в результате расширения – процедуры достаточно сложной, диалектической и многоступенчатой. И именно переход к анализу расширения можно рассматривать как выход к более содержательному уровню анализа нового субъекта, считать расширение одной из его ключевых содержательных дефиниций.

Расширение, будучи ключевой характеристикой, определяющей «зазор» между классическим и новым субъектом, отсылает нас также к рассмотрению связанных с ней характеристик, определенным образом дополняющих, фундирующих ее, таких как прозрачность и синтетичность (вектор на со-присутствие, со-бытие) [10].

Прежде всего, эти ключевые характеристики, на наш взгляд, определяют и формируют трансформацию субъекта (концептуальной маски), подтверждение и воплощение чего мы обнаруживаем в ряде метафор современной культуры, как технологических, так и художественных, антропоориентированных, связанных с повседневной жизнью человека; метафор, открывающих новую природу человека, его самопозиционирования, самоманифестации, выстраивания самообраза, вне контекста которых современный человек уже не может быть помыслен, тогда как их связь с природой субъекта (и в целом их роль в формировании субъекта, концептуальной маски и их прояснения) еще слабо разработана и концептуально просвечена. И именно в этом мы видим перспективность наших исследовательских усилий, и прежде всего, в снятии тех противоречий (преодолении тех предрассудков), которые

выражаются в наследовании и перенесении на анализ нового субъекта исследовательских стратегий, характерных для анализа субъекта классического.

Список литературы

1. Декарт Р. Размышления о методе // Соч.: в 2 т. – Т. 1. – М., 1989.
2. Кант И. Критика чистого разума. – СПб., 1994.
3. Можейко М.А. «Смерть субъекта» // Постмодернизм. Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001.
4. Who comes after the subject? / Cadava E., Connor P., Nancy J.L. [eds.]. – New York; London: Routledge, 1991.
5. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1997.
6. Лосев А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Античная литература: учебник для высшей школы / А.Ф. Лосев [и др.]; под ред. А.А. Тахо-Годи. – 5-е изд., дораб. – М.: ЧеРо, 1997.
7. Грицанов А.А. Самость // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск, 1998.
8. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Кучково поле, 2011.
9. Митчелл У. Дж. Я++: Человек, город, сети. – М.: Strelka Press, 2012.
10. Комаров С.В. Различие как событие: возможность мышления // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2012. – Вып. 2 (10). – С. 18–30.

References

1. Dekart R. Razmyshleniya o metode [Reflections about a method]. Moscow, 1989, vol. 1.
2. Kant I. Kritika chistogo razuma [Criticism of pure reason]. St.-Petersburg, 1994.
3. Mozhejko M.A. «Smert' sub"ekta» ["Death of the subject"]. *Postmodernizm. E'nciklopediya*. Minsk: Interpresservis: Knizhnyj Dom, 2001.
4. Cadava E., Connor P., Nancy J.L. [eds.]. Who comes after the subject? New York; London: Routledge, 1991.
5. Rorti R. Filosofiya i zerkalo prirody [Philosophy and nature mirror]. Novosibirskij universitet, 1997.
6. Losev A.F. [i dr.] Dvenadcat' tezisov ob antichnoj kul'ture [Twelve theses about ancient art]. *Antichnaya literatura*. Moscow: CheRo, 1997.
7. Gricanov A.A. Samost' [Egoism]. *Novejshij filosofskij slovar'*. Minsk, 1998.

8. Maklyue'n M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding of media: external expansions of the person]. Moscow: Kuchkovo pole, 2011.

9. Mitchell U.Dzh. Ya++: Chelovek, gorod, seti [I ++: Person, city, networks]. Moscow: Strelka Press, 2012.

10. Komarov S.V. Razlichie kak sobytie: vozmozhnost' myshleniya [Distinction as event: possibility of thinking]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya*, 2012, vol. 2 (10), pp. 18–30.

Получено 15.02.2013

A.M. Zayakin

ABOUT NEW SUBJECT IN THE OUTLINE OF NEW CULTURE

It has been considered the problem of possibility of conceptual substantiation of new subject which is contrasted with classical subject. The interpretation of subject as conceptual mask of identity is being proposed. The nature of conceptual mask, its functions and perspectives of functioning in conditions of the modern culture are being analyzed. The character of conceptual mask and identity correlation is being considered.

Keywords: classical subject, new subject, transformation, self image, conceptual mask, identity, expansion, transparency, co-presence.